

УДК 81-13

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В МИРЕ ОШИБОК В РУССКОЙ РЕЧИ АМЕРИКАНЦЕВ

Анна Игоревна Бабчук

магистр лингвистики, преподаватель кафедры русского языка

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. annababchuk95@gmail.com

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

д. филол. н., профессор кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. n.bogdanova@spbu.ru

В статье предлагается нетрадиционная типология ошибок, выявленных на материале русской интерферированной речи носителей американского варианта английского языка. В лингвистике и лингводидактике приняты классификации ошибок по языковым уровням (фонетические, словообразовательные, лексические, грамматические (морфологические и синтаксические), включая фактические и ошибки, трудно поддающиеся интерпретации), а также по реакции на них говорящего (ошибки замеченные и незамеченные, исправленные и неисправленные). В данной работе была построена типология ошибок по степени их допустимости для конкретных групп говорящих (ошибки «простительные» и «непростительные»). «Простительными» признавались те ошибки, которые информант совершает, потому что еще не знаком с теми или иными словами или правилами русского языка: слово, в котором сделана ошибка, отсутствует в лексическом минимуме, а соответствующее требование не прописано в Государственном стандарте. Если информант знаком (или должен быть знаком) с правилами и лексикой, но все же делает ошибку, она признавалась «непростительной». Анализ выполнен на материале восьми монологов-рассказов, записанных от студентов-американцев с разным уровнем владения русским языком: четырех – от информантов с базовым уровнем (b), четырех – от информантов со средне-продвинутом уровнем (a). Общий объем монологов – 1873 слова, общее количество ошибок – 137. В результате проведенного анализа выяснилось, что информанты в целом исправляли только 9% сделанных ошибок, причем студенты с более низким уровнем владения русским языком (b) исправляли ошибки чаще. Этой же группе информантов принадлежит большинство «простительных» ошибок. Результаты анализа могут быть полезны в методологическом плане, для составления пособий и разработок по РКИ, а также в общелингвистическом отношении, поскольку позволяют «ранжировать» ошибки разного типа по степени их трудности для разных групп учащихся.

Ключевые слова: спонтанная речь; устный монолог; речевая ошибка; межъязыковая интерференция; русский язык как иностранный

Литературно-письменный (стандартный, кодифицированный) язык подробно изучен и описан во многих словарях и грамматиках, но столь же подробного описания естественной устной речи, рождающейся непосредственно в момент коммуникации, к сожалению, до сих пор не существует. Тогда как именно с устной речи начинается любое (и в фило-, и в онтогенезе) овладение языком, именно спонтанная речь позволяет увидеть тенденции развития языка, зарождающиеся в нем изменения, ср.: «Язык создан прежде всего для устного употребления» [Балли 1955: 34], устная речь, в отличие от письменной, «есть

первое и истинное состояние языка, и всякий язык раскрывается в своей полноте только в живом употреблении, в речи **говорящего** лица (выделение автора. – А.Б., Н.Б.-Б.) [Гумбольдт 1960: 68]; «обиходная повседневная речь – самая древняя и самая основная форма существования языка. В дописьменную эпоху она была господствовавшей» [Девкин 1974: 14]. Именно «**живые языки** (выделение автора. – А.Б., Н.Б.-Б.) во всем их разнообразии» И.А. Бодуэн де Куртене называл главным источником «материала как для грамматических, так и для всяких других лингвистических исследований и выводов» – «мате-

риала, данного непосредственно и доступного не только всестороннему наблюдению, но даже экспериментам» [Бодуэн де Куртенэ 1963а: 103]; (см. также: [Бодуэн де Куртенэ 1963б: 62].

Особенно интересно язык раскрывается в речи инофона на неродном языке, и такая, интерферирующая, речь заслуживает отдельного внимания. Представляется, что наиболее полный уровень владения иностранным языком и умение им пользоваться проявляется в устных монологах-рассказах. С одной стороны, казалось бы, это не самый сложный коммуникативный сценарий, поскольку монолог-пересказ и монолог-описание¹, в отличие от свободного рассказа, предполагают (навязывают говорящему) владение определенной лексикой, которая задана исходным стимулом (текстом или изображением) и незнание которой заставляет информантов испытывать трудности, делать лишние (хезитационные) паузы, обращаться к словарю. В то же время подобные монологи обладают большей степенью лингвистической мотивированности и меньшей степенью спонтанности и потому задают определенный сценарий, которого говорящим остается только придерживаться [Звуковой корпус 2013: 87]. С другой стороны, именно монолог-рассказ оказывается для говорящего сложнее, чем другие коммуникативные сценарии, так как имеет наименьшую степень лингвистической мотивированности и наибольшую степень спонтанности [там же]. Именно высокая степень спонтанности позволяет инофонам в полной мере продемонстрировать весь спектр своих знаний и умений и тем самым осложняет им задачу, поскольку иностранцам зачастую довольно сложно строить большие тексты на неродном языке, не опираясь на какой-либо план.

Именно такой материал и стал объектом внимания в настоящем исследовании. Источник этого материала – корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстовка» (САТ) (см. о нем: [Богданова-Бегларян и др. 2019; Звуковой корпус 2013]). Конкретным материалом для наблюдений и выводов стали восемь монологов, записанных от информантов-американцев с разным уровнем владения русским языком: четыре – от информантов с базовым уровнем (A2/b) и четыре – от информантов со средне-продвинутым уровнем (B2/a). Все информанты – девушки-студентки. Общий объем монологов – 1 873 слова, общее количество сделанных ошибок – 137. В среднем была выявлена одна ошибка на каждые 13,6 слова.

Весь материал был описан (с точки зрения ошибок) и систематизирован. При этом использовались две традиционные типологии ошибок:

- 1) **по языковым уровням** – фонетические, словообразовательные, лексические, грамматические (морфологические и синтаксические); сюда же были отнесены фактические и ошибки, трудно поддающиеся интерпретации;
- 2) **по реакции говорящего** на ошибку – замеченные и исправленные, замеченные и неисправленные, незамеченные и неисправленные (см. подробнее об этой типологии: [Звуковой корпус 2013; Сапунова 2009]).

Третья типология была во многом нетрадиционной (и именно ей посвящено настоящее исследование) – **по степени допустимости** ошибки делились на «простительные» и «непростительные». «Простительными» признавались ошибки, которые информант совершает, потому что еще не знаком с теми или иными словами/правилами русского языка. Например:

– слово, в котором сделана ошибка, отсутствует в лексическом минимуме для иностранцев [Лексический минимум 2015, 2019];

– соответствующее требование/правило не прописано в Государственном стандарте для иностранцев [Государственный образовательный стандарт 1999; Государственный стандарт 2001].

«Непростительные» – это те ошибки, которые сделаны, несмотря на то что информант должен быть знаком с тем или иным правилом или словом.

Рассмотрим ряд «простительных» ошибок из материала исследования.

- (1) *еда конечно / *В в России / очень вкусный // *В (а-а) *Ш особенно / *В блины // *В *Н *П (а-а) *П и(:) / особенно-особенно блины со сметаной (И1b)².*

Наречие *особенно* в русском языке уже выражает максимальную степень признака³, поэтому редупликация в данном случае неуместна и воспринимается как ошибка. В Национальном корпусе русского языка не нашлось ни одного примера употребления подобного редупликата, что поддерживает отношение к этому образованию как к ошибке. Однако в Государственном стандарте базового уровня [Государственный стандарт 2001] отсутствует требование к усвоению учащимися подобного способа словообразования, поэтому ошибка была все же признана «простительной».

- (2) – [хорошо / Вы сказали что Вам не нравится жить в общежитии / а в Америке Вы жили в общежитии?]
 - да / *П но(:) *П та(:)м нет *П (аам) *П **незнакомых** *П
 - [да? / нет?]
 - *ыгы / или(:) *П травм // *П*
 - [а / **насекомых**]
 - да / *насекомых нет там // *В (э) здесь *П есть много // *В *С *П да (И6b)⁴.*

Причиной ошибки в данном случае стало сходство звучания двух слов, однако ни *насекомых*, ни *незнакомых* нет в лексическом минимуме базового уровня [Лексический минимум 2019]. Кроме того, ipm (Instances Per Million words, т. е. число употреблений на миллион слов корпуса) слова *незнакомый*, по данным частотного словаря О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [Ляшевская, Шаров 1999: электр. ресурс], – 47.5, что в три раза выше, чем слова *насекомое* (17.1); значит, говорящий закономерно употребил более частотное слово вместо менее частотного, и ошибка закономерно признана «простительной».

(3) *но (ам) я думаю / *П *ц не так холодно / как я думала // *В (эм) только *П тёмность *П трудно мне (И7а).*

Вместо слова *темнота* в контексте (3) употреблено слово *тёмность*, которое есть в лексическом минимуме соответствующего уровня, но лишь как антоним к слову *свет*, и предназначено для пассивного усвоения. Информант при этом хорошо знаком со словами *тёмный* и *темно*, а также знает суффикс *-ость*, поэтому попытался образовать слово самостоятельно, что, конечно, «простительно» и даже где-то похвально.

(4) *мне очень нравится (ээ) *П еда(:) в Рос... (э) в Санкт-Петербурге / (ам) очень *П очень лучше *В чем в Америке / (эм) *П здесь еда(:) *П (э) *П натуральный (И5b).*

Правильно в данном случае было бы сказать *намного лучше*. Однако ipm слова *очень* – 1286.8, а слова *намного* – 29.2 (в 44 раза меньше!), при этом наречие *намного* отсутствует в лексическом минимуме базового уровня, именно поэтому информант выбирает хорошо знакомое и более частотное слово – ошибка, конечно, «простительна».

(5) *мне / *П (э) *В обычно нужно использовать интернетом в ... / *П кафе / *П или / (э) где-то (И1b).*

Информанту в контексте (5), конечно, не *нужно* пользоваться интернетом *в кафе*, он *вынужден* это делать или ему *приходится* это делать. Однако слово *вынужденный* отсутствует в лексическом минимуме базового уровня, а ipm слова *нужно* гораздо выше, чем слова *вынужденный*: 353.7 vs 42.7. Слов *приходиться/прийтись* в лексическом минимуме базового уровня также нет, и их ipm выше, чем слова *вынужденный*: 174.5 для *приходиться* и 285.5 для *прийтись*. Более того, в частотном словаре их значения не разграничены. Все это делает ошибку говорящего иностранца вполне «простительной».

(6) *мне *П очень(:) *В (а) нравяts... (ээ) *П нравяts...(:) *В *П блины(:) и(:) *П (ммм) *П пирожки(:) *П конечно(:) *В *П п... *П плов // плов это русс... русская еда / да // мгы плов очень вкусный (И6b).*

В контексте (6) представлена фактическая ошибка инофона. *Плов* – популярное и любимое в России блюдо, его часто можно встретить в столовых, кафе и ресторанах. Конечно, жители постсоветского пространства знают, что *плов* – блюдо восточной кухни, которое в России обычно считается традиционным узбекским или кавказским, но не русским блюдом. Для иностранца же «простительно» не знать этого.

Ниже представлен ряд «непростительных» ошибок из материала исследования.

(7) *мне нравится погода / хотя(:) / (э) / у меня // *П (м-м) // *П я *П предпочитаю / *П (э-э) / цвет // *П большие света // *П *В и(:) // *П (э) / я не знаю / (э) // *П я живу в общезитии (И2b).*

Причина ошибки в контексте (7) – сходство звукового облика слов *свет* и *цвет*. Оба слова есть в лексическом минимуме базового уровня. По данным частотного словаря, ipm слова *свет* – 359.7, а слова *цвет* – 163.6, т. е. более чем в два раза меньше, что делает ошибку информанта «непростительной». Видимо, информант попросту оговорился: за ошибкой сразу же (практически в режиме онлайн) следует ее исправление. Надо заметить, что все фонетические ошибки в материале исследования оказались «непростительными», что видно и из следующих примеров (8) и (9).

(8) *там / всегда солнце / и всегда(:) / *П (эм) крокодилы / *П да / *С да / крокодилы тоже / *В но (эм) / сяs трудно мне жить / без солнца (И7а).*

Информант в контексте (8) произносит слово *сейчас* – как носители языка, с сильной редукцией: *щас*, но заменяет сложный для произнесения звук [щ] на [с’], что признано «непростительным».

(9) *что мне не нравится / (ам) *ц наверно больше всего / всего здесь тр(э)нспорт (И8а).*

Причина ошибки в контексте (9) – межъязыковая интерференция: слово *транспорт* произнесено почти по-английски, что, конечно, «непростительно».

Однако «непростительными» были признаны не только фонетические ошибки, ср.:

10) *ходила в магазин вчера / *П вечером / и купила зи... зимние туфли (И5b).*

В русском языке *туфли* – это ‘род обуви, закрывающей ногу не выше щиколотки’ [БТС 2014]. Обычно это обувь для теплой погоды, которая никак не подходит для зимы в Санкт-Петербурге. В контексте (10) ошибка допущена по двум причинам: межъязыковая интерференция и общность значений ряда слов. Здесь следовало бы, конечно, говорить о *сапогах* или *ботинках*. Первое слово находим в лексическом мини-

муме базового уровня, а второго в нем нет. Поскольку слово *сапоги* информанту известно, невозможно сказать, что ошибка допущена из-за недостаточного уровня владения языком. По данным частотного словаря, *ipm* слова *сапог* – 62.0, а слова *туфля* – 23.2. Но оба слова обозначают *обувь*, и информант, под влиянием родного языка, выбирает слово *туфли*. Ошибка попадает в разряд «непростительных».

11) *у(:) неё / *П великая комната / и / у меня () маленькая комната (И2b).*

Правильно сказать не *великая комната*, а *большая*. Оба эти слова принадлежат к одной семантической группе и присутствуют в лексическом минимуме базового уровня, но *ipm* слова *большой* (944.4) в 3,5 раза выше, чем слова *великий* (276.3). Информант выбирает менее популярное – вероятно, просто первое пришедшее в голову – слово, относящееся к размеру. В результате ошибка признана «непростительной».

Общее распределение «простительных» и «непростительных» ошибок в материале исследования представлено на Рисунке 1. Из рисунка видно, что в целом «простительные» ошибки составляют в материале исследования всего 18 %, большая часть выявленных ошибок являются все же «непростительными». На Рисунках 2–4 показано, как соотносятся «простительные» и «непростительные» ошибки разных типов: лексические, морфологические и синтаксические.

Отдельного разговора заслуживают ошибки, трудно поддающиеся интерпретации. Аномалии этой группы с уверенностью можно отнести к коммуникативно значимым ошибкам и тем самым – к разряду «непростительных», так как они приводят к безусловной коммуникативной неудаче, ср., например:

12) *горо... *ц мне очень нравятся(:) *П большой города(:) (э) очень *П *ц (э) *В легко(:) *П (э) ездить (э) около *П то *П города *С /и(:) (ам) *П много вещи(:) / можно делать (И5b).*

Рисунок 1. Общее распределение «простительных» и «непростительных» ошибок

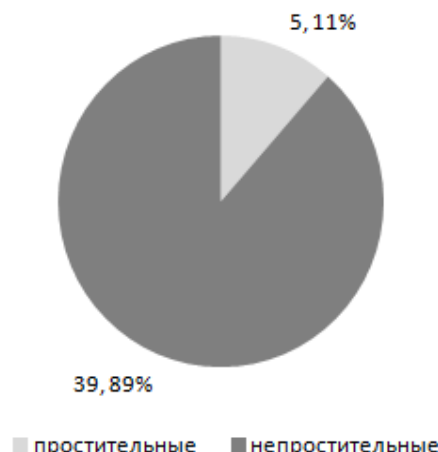

Рисунок 3. Распределение «простительных» и «непростительных» морфологических ошибок

Рисунок 2. Распределение «простительных» и «непростительных» лексических ошибок

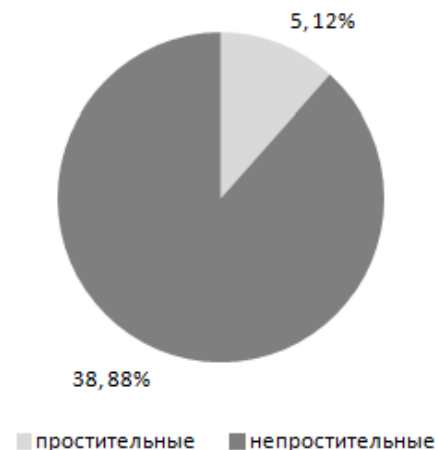

Рисунок 4. Распределение «простительных» и «непростительных» синтаксических ошибок

Можно предположить, что информант пытается сказать, что легко ездить *вокруг города*, т. е. по пригородам, но не очень понятно, как это соотносится с размером самого города. Возможно, информант подразумевает развитую инфраструктуру и доступный транспорт, но этого мы никогда не узнаем. Кроме того, остается непонятным, как квалифицировать единицу *то*. Возможно, информант начал говорить какое-то слово, но бросил его и выбрал другую единицу, а расшифровщик не распенил это как обрыв и не обозначил соответствующим образом. Так или иначе, но однозначную интерпретацию в этом случае дать практически невозможно.

13) *Псков *П у Пскова есть *П много(:) *П природы / *П (м) не больше чем *П Петербург // *П (ам) мне нравится *П тельрола *В *П и(:) *П (зм) *П (м) *П мне(:) нравится *П *П Санкт-Петербург (И6b).*

В примере (13) невозможно понять, какую информацию говорящий хочет донести до слушателя с помощью грамматически правильной фразы *не больше чем Петербург*. Может быть, он говорит о размерах города, а может, о «количестве» *природы*. В общих подсчетах подобные примеры не учитывались, но логично их признать все же «непростительными».

В целом, как показало проведенное исследование, информанты-американцы исправили только 9% сделанных ошибок. При этом информанты с более низким уровнем владения русским языком (b) исправляют ошибки чаще – видимо, из-за повышенного самоконтроля. Они же сделали больше «простительных» ошибок (17 из 24 – 70,8%).

Более всего «простительных» ошибок оказалось на лексическом уровне (40%), менее всего – на морфологическом уровне (11%). В целом «простительные» ошибки составляют, как уже было отмечено, 18%.

С повышением уровня владения русским языком общее количество ошибок ожидаемо сокращается: в группе (b) на 100 слов выявлено 9,4 ошибки, в группе (a) – 6,2 ошибки

Думается, что результаты проведенного анализа и предложенная не вполне традиционная типология ошибок могут быть полезны, например, в методологическом плане (для составления пособий и разработок по РКИ), а также в общелингвистическом отношении, поскольку позволяют «ранжировать» ошибки разного типа по степени их трудности для разных групп учащихся. Главный, хоть и не вполне научный, вывод настоящей работы таков: в мире РКИ не всякое «преступление» должно быть наказуемо!

Примечания

¹ О возможной типологии спонтанных монологов см., например: [Звуковой корпус 2013: 87–88].

² Знак «*В» в расшифровках звучащего материала означает шумный вдох, «*П» – хезитационную паузу, «*Н» – неразборчивый фрагмент записи, «*Ш» – шум. Об остальных знаках дискурсивной транскрипции см. [Русский язык повседневного общения 2016: 242–243].

³ Ср. данные академического словаря: 1) нареч. *особенный* в 1 и 2 знач., т. е. ‘не похожий на других, не такой, как все; необычный’ и ‘более значительный, сильный, чем всегда, чем обычно’; 2) ‘прежде всего, более всего, в особенности’ [МАС 1986: 651].

⁴ Пример (2) совсем не похож на монологический текст, что вызвано, как можно предположить, столь низким уровнем владения данным информантом русским языком, что без помощи экспериментатора ему не удастся произнести даже небольшой связный текст. К сожалению, такие случаи в «иноязычной» части корпуса САТ не столь редки.

Список литературы

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.

Богданова-Бегларян Н.В. и др. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи / Н.В. Богданова-Бегларян, О.В. Блинова, К.Д. Зайдес, Т.Ю. Шерстинова // Тр. Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова / гл. ред. А.М. Молдован. М., 2019. Вып. 21: Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. С. 111–126.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963а. Т. 1. С. 47–77.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Языкознание // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, М.: Изд-во АН СССР, 1963б. Т. 2. С. 96–117.

БТС – Большой толковый словарь русского языка: А – Я / Ин-т лингв. исслед. РАН; сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 08.01.2021).

Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному: Второй уровень. Общее владение / Т.А. Иванова и др. М.; СПб.: Златоуст, 1999. 40 с.

Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / М.М. Нахабина и др. М.; СПб.: Златоуст, 2001. 32 с.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода / В.А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1960. Ч. 1. С. 68–86.

Девкин В.Д. Проблемы немецкой разговорной речи: лексика и синтаксис: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974. 60 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание / коллект. авторов; отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Лексический минимум по русскому языку как иностранному: Базовый уровень. Общее владение / ред. Н.П. Андрияшина, Т.В. Козлова. СПб.: Златоуст, 2019. 116 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ros-edu.ru/read?&book_id=81259 (дата обращения: 08.01.2021).

Лексический минимум по русскому языку как иностранному: Второй сертификационный уровень. Общее владение / ред. Н.П. Андрияшина.

СПб.: Златоуст, 2015. 164 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.plus.ac.at/wp-content/uploads/2021/06/Leksicheskiy_minimum_po_russkomu_jazyku_kak_inostrannomu_2_uroven.pdf (дата обращения: 08.01.2021).

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 08.01.2021).

МАС – Словарь русского языка в четырех томах / гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1986. Т. 2: К–О. 736 с.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах / коллект. авторов; отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Сапунова Е.М. Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 237 с.

“CRIME AND PUNISHMENT” IN THE WORLD OF ERRORS IN THE RUSSIAN SPEECH OF AMERICANS

Anna I. Babchuk

Lecturer, the Russian Language Department
S.M. Kirov Military Medical Academy

Natalia V. Bogdanova-Beglarian

Professor, the Russian Language Department
Saint Petersburg State University

The article proposes a somewhat unconventional typology of errors identified on the material of Russian interfering speech of native speakers of the American version of the English language. Linguistics and Language Pedagogy typically classify errors by language levels (phonetic, derivational, lexical, grammatical (morphological and syntactic), including factual and errors that are difficult to interpret), as well as the speaker's reaction to them (notice and unnoticed, corrected and uncorrected errors). The paper presents a typology of errors based on degree of their acceptability for specific groups of speakers (“pardonable” and “unpardonable” errors). The errors made by informants because they are not yet familiar with certain words or rules of the Russian language were recognized as “pardonable”: the word with an error is absent from the lexical minimum, and the corresponding requirement is not mentioned in the National Standard. In case the informant is familiar (or has to be familiar) with the rules and vocabulary, but nevertheless makes an error, it was considered “unpardonable”. The analysis was carried out on the material of 8 monologues-stories recorded from American students with different levels of Russian language proficiency: 4 monologues received from informants with the basic level (b), and 4 monologues received from informants with the intermediate level (a). The total size of monologues is 1873 words; the total number of errors is 137. As follows from the analysis, overall the informants corrected only 9% of the errors made, and students with a lower level of Russian proficiency (b) corrected their errors more often. The same group of informants is characterized by a larger number of “pardonable” errors. The results of the analysis can be of use for methodological purposes, for compiling study guides and instructions in RFLs, as well as for general linguistics, since they allow to “rank” errors of different types according to their degree of difficulty for different groups of students.

Keywords: spontaneous speech; oral monologue; speech error; interlingual interference; Russian as a foreign language.